

Б. И. СЫРОМЯТНИКОВ

В. О. Ключевский и Б. Н. Чичерин

При оценке научных заслуг В. О. Ключевского необходимо иметь в виду, что великий русский историк был не только первоклассным исследователем, который продолжал дело своих предшественников и учителей, но и ученым, принадлежавшим к числу немногих избранных натур, призванных прокладывать новые пути человеческой мысли. Такие люди, как говорится, — «делают эпохи» в тех областях, куда направляют они творческие силы своего оригинального гения. Их имена отмечают поворотные моменты в процессе развития культуры духа, полагая глубокие грани в пространстве времен. Это творцы новых ценностей, люди, которые не только оставляют позади себя неизгладимый след, но и надолго предопределяют грядущее. Порывая со старой, они создают новую традицию.

Таков именно и был В. О. Ключевский, ученый первого ранга, родоначальник новой исторической школы, великий учитель, несравненный художник слова и мысли, гордость науки и гордость России.

Понятно, что при таких условиях совершенно немыслимо подходить к Ключевскому с обычным масштабом академической оценки, применимой к любому рядовому деятелю науки. Мы положительно рисковали бы вовсе не понять Ключевского, если бы взглянули на него только как на продолжателя его учителей или отнесли его к числу «учеников С. М. Соловьева», как любил — с превеличенной скромностью — называть себя сам великий историк. Незабвенная заслуга Ключевского в том именно и заключалась, что он имел смелость не идти по проторенным уже путям и решительно выступил в роли историка-реформатора. Являясь действительно университетским учеником Соловьева, автор «Боярской думы», однако, не сделался последователем его «школы» и пошел своей

собственной дорогой. Рожденный для того, чтобы стать учителем, Ключевский естественно не мог быть ничьим учеником. Он должен был, в силу своего научного призвания, занять совершенно самостоятельное положение в русской исторической науке, сменив Соловьева на его учительском месте. Поэтому установить правильный взгляд на Ключевского возможно только в том случае, если мы выдвинем на первый план его значение как главы нового исторического направления, утвердившего новый метод в русской исторической науке.

Только с этой точки зрения сумеем мы как оценить по достоинству тот вклад, который внес он в сокровищницу исторического знания, так и установить надлежащее соотношение между ним и его предшественниками. Таким образом, совершенно очевидно, что в конечном счете обе указанные проблемы сводятся все к тому же основному вопросу о взаимоотношении двух, сменивших одна другую, исторических школ — школы Ключевского и той, к которой принадлежали его учителя, С. М. Соловьев и Б. Н. Чичерин, наиболее повлиявшие на автора «Боярской думы» и «Курса русской истории». Только установив необходимые перспективные точки зрения, мы будем в состоянии понять, как мог Ключевский, сохраняя органическую преемственность научной работы, в то же время решительно порвать с научной традицией старой исторической школы. Ключевский, действительно, сумел, с одной стороны, выделить в трудах своих предшественников все наиболее ценное и существенное, что должно было войти как прочное достояние в научный оборот, с другой — сумел вложить в рецептированные схемы столько нового понимания и содержания, что в его интерпретации знакомые построения и факты приобретали совершенно новый смысл и как бы перерождались. Творческий гений Ключевского не мог довольствоваться простым «заимствованием» готового. Великий историк всегда сохранял свое независимое и свободное отношение к трудам своих предшественников, являясь во всеоружии специальной эрудиции. Он принимал только то, на что его уполномочивал проникновенный анализ источников, в таком совершенстве им изученных. Неудивительно, что при таких условиях он становился как бы вторым творцом научных теорий, высказанных до него, но окончательно установленных и, так сказать, канонизированных им. При этом необходимо иметь в виду, что Ключевский, являясь по преимуществу созидателем, никогда не подчеркивает оригинальности своих взглядов. Чуждаясь всякой полемики, никогда не выступая в роли «разрушителя», он лишь в исключительно редких

случаях вдавался в критику чьих-либо воззрений. Его внимание было всецело поглощено положительной, конструктивной задачей построения законченных научных выводов, отмеченных печатью тонкого изящества мысли. Автор даже как будто бы сознательно маскировал новаторский характер своих руководящих выводов. Не растрачивая своих сил на литературную борьбу, не заявляя о своих авторских правах, Ключевский прямо шел к своей цели — познанию сокровенных тайн исторического процесса. Он имел дело только с историей, а не с историками. Замкнувшись в самом себе, он творил, не задевая чужих самолюбий, не отвечая и на злые нападки, направленные против него. Само собою разумеется, что научные положения, утвержденные им, нисколько не теряли от этого в своей силе и своем влиянии. В них *implicite*¹ был уже заключен и суд, и приговор, и санкция и отрицание. Традиционные схемы в процессе подобного рода созидательной органической работы падали, так сказать, сами собой, не требуя особого развенчания. При этом великий мастер с таким искусством умел вкладывать новый смысл и содержание в привычные исторические факты и категории, что с первого взгляда, пожалуй, могло даже показаться, что никаких существенных изменений в действительности и не произошло. Однако при более внимательном рассмотрении не трудно было заметить, какое огромное расстояние отделяет «ученика» от его «учителей».

Это расстояние — как уже было указано выше — измерялось принципиальным различием тех методов, которыми оперировала та и другая сторона. Вопрос шел не о замене одной очередной «теории», напр., «родовой», какой-либо иной, напр., «общинной», а о двух исторических мирозерцаниях, двух школах, преемственно связанных между собой и последовательно отрицавших одна другую. Поэтому, не выяснив отмеченной принципиальной стороны вопроса, мы не сумели бы установить правильного соотношения между Ключевским и его предшественниками, в частности между им и Б.Н. Чичериным. Конечно, не трудно было бы указать те общие точки соприкосновения, которые в одних случаях ставят вне всякого сомнения, в других — делают весьма вероятным влияние на взгляды Ключевского таких авторов, как С. Соловьев, К. Кавелин, Б. Чичерин, И. Забелин, А. Щапов, К. Аксаков и др. Однако одного простого установления подобного рода связи далеко еще не достаточно для решения поставленного вопроса. Сущность проблемы в данном случае лежит гораздо глубже, она заключается в самом отношении Ключевского к построениям его предшествен-

ников, — отношении, которое обуславливалось различием мирозерцаний историков двух школ. С определения этого различия мы и должны начать наш анализ.

Прежде всего, остановимся на предшественниках Ключевского.

Историческая школа, к которой принадлежали и Соловьев и Чичерин, наиболее чтимые учителя автора «Боярской думы», сложилась у нас в 40-х годах прошлого столетия. Школа эта образовалась под мощным влиянием руководящих идейных течений начала XIX века — идеалистической философии Шеллинга и Гегеля, с одной стороны, и так называемой «исторической школы» Савиньи² — с другой. Отмеченный факт, можно сказать, имел решающее значение в процессе развития русской исторической мысли дореформенной эпохи. Им определялось именно самое направление исторической науки, ее метод и конечные цели исследования.

В самом деле, мы не должны забывать, что это было время, когда на широком общеполитическом основании впервые было воздвигнуто стройное здание романтической «философии истории», безраздельно покорившей себе наиболее видные умы как на Западе, так и в России. Новая доктрина, действительно, подкупала своим всеобъемлющим универсализмом и строгой выдержанностью монистического принципа. Она поняла мир, со всем его бесконечным многообразием, как единый логический процесс саморазвития вселенского Духа, стремящегося в истории к своему самосознанию. В таинстве этого извечного пресуществления всемирно-историческая жизнь человечества должна была манифестировать не что иное, как непрерывное и вместе с тем необходимое восхождение мирового Духа в царство абсолютной свободы. Отдельные «исторические» народы, в свою очередь, должны были знаменовать собой в указанном процессе только известные моменты, состояния или «возрасты», раз навсегда пройденные божественной идеей по пути к ее конечной цели. Но зато каждый из этих «избранных» народов, приобщаясь тем самым мировой жизни, становился носителем какого-нибудь общечеловеческого субстанционального «начала», которое постепенно раскрывалось по мере того, как данный народ достигал своего национального самоопределения. При таких условиях абсолютное, всемирно-историческое значение «национальной идеи» не подлежало никакому сомнению. Этой идеей в конце концов — согласно теории — и должна была определяться как историческая «миссия» или «мировое призвание» народа, так и тот самобытный «вклад», который суждено было ему внести в сокровищницу общечеловеческой культуры. Отсюда понятно, что целью исторического

познания, при такой точке зрения, поставлялось историческое самопознание*, т. е. определение тех «исконных» начал народной жизни, которые, являясь исключительной принадлежностью известной нации, были глубоко сокрыты в тайниках ее «народного духа», органически «из себя» развивающегося. Из этих-то «начал» и должна была быть выведена сама история народа.

Таким образом национальная идея становилась одним из руководящих принципов идеалистической историографии. Не трудно, однако, предугадать, к каким последствиям должна была привести усиленная культивировка этой идеи на исторической почве. Прежде всего, она должна была вызвать мысль о «совершенном своеобразии» всякой национальной истории, призванной сказать «свое слово» миру и потому не соизмеримой ни с какой иной историей. Каждый народ с этой точки зрения являлся, в полном смысле слова, историческим *unicum*. Так именно и решили данный вопрос русские историки-идеалисты. Устами Кавелина провозгласили они категорическую формулу, что «русская история не похожа ни на какую другую историю» в мире** и что русский народ представляет из себя совершенно «небывалую социальную формацию»***. Но дело не ограничивалось одной только декларацией «беспримерной своеобразности» русского исторического процесса. В дальнейшем эта своеобразность русской истории была истолкована в смысле ее полной противоположности истории западноевропейских народов. Сложилась даже целая теория, утверждавшая, что историческое развитие русской народности — «этого удивительного племени» — шло как раз «обратно» тому, как оно шло на Западе****. Мир славянский и мир германский с указанной точки зрения должны были являться двумя мирами качественно отличными, диалектически и субстанционально непримиримыми в своей «противоположности»...

И как бы ни расходились иногда историки романтической школы в самой оценке национальных основ русской жизни, — которые одним из них представлялись как великое преимущество России, другим — как ее печальное историческое наследие, — они все,

* Соловьев С.М. История России с древнейших времён. Т. I. М., 1859. С. 6;
Соловьев С.М. Исторические поминки по историке // Моск. унив. известия. 1866–1867. № 3. С. 177.

** Кавелин К.Д. Сочинения. Т. I. М., 1859. С. 7.

*** Там же. С. 626.

**** Там же. С. 201.

однако, согласно утверждали, что русская история, в противовес западноевропейской, не знала ни внутренней «борьбы», ни сословий, ни общественных классов, ни аристократии землевладения, ни аристократии капитала, ни «городов», ни пролетариата, ни феодализма, ни революций — словом, ничего, чем обычно характеризуется история цивилизации народов Запада. И даже в тех случаях, когда историкам приходилось все же констатировать некоторые «разительные сходства» в прошлом русского и западных народов, они спешили подчеркнуть, что за этим «внешним» и «поверхностным» сходством скрывается резкая «противоположность предметов разнородных» по самой своей природе*. Прозвучание историков романтической школы в том именно и заключалось, чтобы, не поддаваясь соблазнам исторической действительности, вскрыть те метаисторические «начала» и «стихии», которые направляли жизнь каждого отдельного народа. Здесь-то и сказывалась наиболее ярко одна из методологических особенностей идеалистической историографии, особенность, определявшая, прежде всего, довольно своеобразное отношение историков этой школы к историческим материалам и фактам.

Поняв развитие вселенной как развитие единой в себе мировой идеи, последовательно воплощавшейся в жизни «избранных» наций, философия истории XIX ст. тем самым последовательно превращала процесс исторический в процесс диалектический: историческую логику событий она заменяла логикой понятий, априористически постулируя свои произвольные схемы, где начала «личности», «государственности» и т. п. чередовались в самых причудливых сочетаниях. В своих «диалектических импровизациях» — по удачному выражению Ключевского — историки старой школы, действительно, обнаруживали довольно ограниченный интерес к разработке сырого исторического материала. Последний в их построениях «на глазомер» играл вообще подчиненную, второстепенную роль. Предоставляя любителям древностей «рыться в старой пыли истории», они сами предпочитали философически «размышлять над фактами»**. Мы не должны забывать, что — согласно теории — самобытные руководящие «начала» национального развития известной народности должны были быть выведены непосредственно из ее «народного духа» как нечто наперед данное, исконное, сверхисторическое. Неудивительно, что при таких условиях идеалистическая

* Там же. С. 201, 120.

** Слова Чаадаева.

историография была так богата всякого рода «теориями» и «взглядами» на сущность русского исторического процесса, и взгляды эти отличались столь разительной противоречивостью*. Иначе, конечно, и быть не могло при том «вольном обращении с историей», каким отличалась вообще идеалистическая школа историков в лице даже наиболее умеренных своих представителей. Строить те или иные схемы при указанных условиях было тем легче, что исследователь не затруднял себя микроскопическими наблюдениями над историческими явлениями и их всесторонним анализом. Он ограничивался минимумом фактических данных, привлекая их скорее в качестве иллюстраций, чем доказательства. В этом смысле нельзя, напр., не отметить поразительной бедности того исторического материала, на котором базировал свою знаменитую теорию автор «Взгляда на юридический быт древней Руси»³.

Но скользкая таким образом взыскующей мыслью по поверхности исторической действительности, историк-философ с тем большей готовностью оперировал такими общими понятиями, как «народ», «государство», «общество», «народный дух», которыми он пользовался всякий раз, когда требовалось объяснить тайный смысл процесса национальной истории. Его подкупала при этом кристаллическая ясность импровизированных им логических схем и спекулятивных построений, создававшая иллюзию законченной научной теории. Историк, по-видимому, и не подозревал, что на самом деле он останавливался в своих изысканиях, так сказать, у самого порога истории даже и в тех случаях, когда ему удавалось сделать очень удачное наблюдение, бросить светлую мысль. Действительно, вместо того, чтобы раскрыть исторический смысл и содержание названных выше понятий, он, напротив, с помощью этих «неизвестных» пытался разрешить все вопросы и все controverзы, стоявшие перед ним. В результате же при таких условиях оказывалось, что схема русского исторического процесса была дана прежде, чем самый этот процесс сделался предметом специальной научной разработки. Но зато основная цель, поставленная на очередь историками старой школы, была достигнута: *spiritus movens*⁴ русской истории, ее руководящее «начало» в той или иной форме было найдено.

Таковы были конечные результаты торжества национальной идеи в русской исторической науке. И следует признать, что торже-

* Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси // Рус. мысль. 1880. Кн. III. С. 47–50.

ство названной идеи было настолько полным и решительным, что с отголосками ее нам до сих пор еще приходится считаться в русской исторической науке, где до последнего времени можно было встретить воспроизведение знаменитых парадоксов Погодинской «Параллели русской истории с историей западных государств»⁵.

Однако указанными результатами далеко еще не исчерпывалось влияние идеалистической философии истории на русскую историческую мысль. Наряду с идеей национального развития она выдвинула с такой же силой и идею государства как наивысшего выражения «народного духа» во всемирной истории.

Идеалистическая философия, можно сказать, обоготворила государство, увидев в нем откровенный символ «исторического» призвания народов, совершенную форму национального самоопределения. «Государство, — говорил Чичерин, — есть высшая форма общежития, высшее проявление народности в общественной сфере. В нем неопределенная народность... собирается в единое тело, получает единое отечество, становится народом* (курс. Ч.). «Только в государстве народ заявляет свое историческое существование, свою способность исторической жизни», — заключает ту же мысль и Соловьев**.

Естественно, что при подобных предпосылках русские историки солидарно переносили главный интерес научного наследования на проблему о государстве. Вопрос о происхождении, развитии и национальных особенностях русского государства положительно гипнотизировал их умы. С этого именно момента в русской исторической литературе и утверждается окончательно государственная точка зрения, т. е. тот взгляд «сверху» на прошлое русского народа, которым в значительной мере предопределялись самые пути развития научной мысли. И действительно, при указанной постановке вопроса в глазах исследователей вся русская история по существу сводилась к истории русской государственности или, что то же, к истории государственной власти и правительственной регламентации. Говоря иначе, совершался сознательный подмен самого объекта исторической науки: все необозримое богатство ее содержания оказывалось втиснутым в узкие рамки одной определенной группы исторических явлений. С точки зрения основных принципов господствовавшей тогда философии истории подобный метод не только не заключал в себе ничего недопустимого, но и являлся вполне

* Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 309.

** Соловьев С.М. Исторические поминки по историке. С. 179.

целесообразным. В самом деле, не забудем, что романтическая школа смело ставила знак равенства между такими понятиями, как «государство», «правительство», «государственная власть», с одной стороны, и «народ», «общество» — с другой. В ее глазах, как мы видели, государство являлось живым воплощением «народного духа», а потому она и считала себя вправе отождествлять историю государства с историей народа, заменяя в то же время одно другим.

Задача историка при таких условиях, очевидно, значительно упрощалась. Ему не было необходимости и в данном случае спускаться в самые недра исторического процесса, к истокам народной жизни, он прямо восходил к ее политическим вершинам, бросая оттуда свой «взгляд» в пространство веков и затем зачерчивал ту или иную схему «истории русского государства». «Правительство, — писал Соловьев, — какая бы ни была его форма, представляет свой народ; в нем народ олицетворяется, а потому оно было, есть и будет всегда на первом плане для историка. История имеет дело только с тем, что движется, видно, действует, заявляет о себе, и потому (!) для истории нет возможности иметь дело с народными массами, она имеет дело только с представителями народа, историческими деятелями». Вычеркнув таким путем «народные массы» из истории, Соловьев делает при этом и характерное разъяснение. Если, говорит он, правительство олицетворяет свой народ, то ясно, что «историк, имеющий на первом плане государственную жизнь, на том же плане имеет и народную жизнь»*. Таким образом победа государственной точки зрения оказывалась полной, а «внутренняя» история народа приносилась в жертву «историческим личностям», официальным героям всемирной истории, как того и требовала теория.

Совершенно очевидно, что при таком аспекте социальная история должна была отойти у историков-идеалистов на самый задний план, уступив свое место истории политической в собственном смысле этого слова. И они, действительно, принялись за ее систематическую разработку.

Конечно, столь исключительное внимание к вопросам государственной истории не могло не наложить особого отпечатка и с этой стороны на идеалистическую историографию. Можно было бы далее сказать, что именно под влиянием «государственной» идеи русская историческая мысль первой половины XIX ст. окончательно завершила процесс своего самоопределения, создав национально-

* Соловьев С.М. Собрание сочинений. СПб., 1901. Стб. 1123–1127; Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. С. 234.

государственную историческую школу, т. е. школу предшественников Ключевского.

Влияние государственной точки зрения сказалось прежде всего на самом подборе подлежащего научной обработке исторического материала. Доминирующая роль в настоящем случае, как и следовало ожидать, выпала на долю актов государственной власти, официальных памятников законодательства, дипломатических документов — словом, материала юридического по преимуществу. При этом рука об руку с историками шли также и историки права. Последние принялись с особенной энергией разрабатывать историю институтов публичного права и государственных учреждений, почти совершенно игнорируя историю права гражданского. Естественно, что в трудах юристов означенная выше государственная точка зрения получила еще более специфическое развитие. История права у них нередко превращалась просто в «историю законодательства», а история политических учреждений и публично-правовых институтов сводилась к детальному описанию государственного механизма России и «указной» интерпретации. Не удивительно поэтому, что даже и в сфере очерченного круга ограниченного научного интереса историки-государственники далеко не выполнили своего призвания. Говоря словами Ключевского, они не пошли далее установления чисто «технического взгляда» на историю государства российского*. Описав устройство государственной машины, ее составных частей, передач, они, однако, оставляли без рассмотрения вопрос о тех живых исторических силах, которые приводили в движение этот сложный аппарат, и о том «социальном материале», из которого были сделаны его отдельные части**. В данном пункте историки старой школы подходили к той заколдованной черте, через которую они никогда не дерзали переступить и которая так резко отделяла их от школы Ключевского.

Но доведенная до своего предела указанная односторонность взгляда приводила историков национально-государственной школы и к другой крайности. Вращаясь постоянно в «порочном круге» одних и тех же исторических фактов и представлений, сосредоточив все свое внимание на государственной истории «русского народа», они в конце концов настолько сжились с известными традиционными понятиями и схемами, что свои собственные односторонние обобщения

* Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси // Рус. мысль. 1880. Кн. I. С. 41–42.

** Там же. С. 53.

приняли за историческую действительность и даже, в довершение всего, возвели их на степень национальных самобытных «начал» русской истории. В самом деле, не углубляя своего анализа внутрь исторического процесса и будучи хорошо знакомы только с «государственной» историей России, историки дореформенной эпохи в конечном итоге своих построений сделали тот заключительный вывод, что русская история и не знает никакой иной истории, кроме государственной, т. е. что единственным двигателем и вершителем судеб русского народа во все времена его исторического развития была всесозидающая государственная власть. Что же касается этого самого народа, то, по утверждению тех же историков, он, напротив, представлял из себя не что иное, как «жидкую» массу, пассивный сырой материал, «калужское тесто», по выражению Кавелина, из которого правительство пекло все, что ему было угодно*.

Таким образом оказывалось, что русский народ сам не принимал никакого активного участия как в своих собственных судьбах, так и в судьбах того государства, которое должно было, однако, являться отражением его «национального духа». Этот народ объявлен был даже, по своей природе, народом «негосударственным». И действительно, по утверждению историков, особенно Чичерина, оказывалось, что в то время, как государственная власть не покладая рук трудилась над возведением своеобразной «храмины» русского государства, народ, напротив, только и делал, что уклонялся от «государева тягла», «брел розно», бежал в казаки и непрерывно «кочевал»**. Таким образом, по словам автора «Областных учреждений», «государство» на Руси «нашло вокруг себя чистое поле» и вынуждено было с великими «хлопотами» приняться за постройку на «пустом месте» своего собственного здания, которое при таких условиях должно было получить совершенно оригинальный вид и оборудование***. Понятно, что с указанной точки зрения русскому «народу» не находилось самостоятельного места в истории русского «государства» и он третировался, как *quantité négligeable*⁶.

Заключительный вывод из всех этих положений напрашивался сам собой, и историки национально-государственной школы не замедлили его сделать: «Вся русская история, — писал Кавелин, — как

* Соловьев С.М. Собрание сочинений. Стб. 789, 876–867, 888; Вестник Европы. 1886. Кн. X. С. 745–746.

** Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. С. 25, 173–174, 385.

*** Чичерин Б.Н. Областные учреждения в России XVII века. М., 1856. С. 575.

древняя, так и новая, есть по преимуществу государственная... Еще Карамзин, руководимый верным чувством, назвал свое знаменитое сочинение “Историей государства Российского”. Действительно, политический, государственный элемент представляет покуда единственно-живую сторону нашей истории, сосредоточивает в себе весь смысл и всю жизнь древней Руси»*. Еще конкретнее ту же мысль выразил Чичерин, заявивши, что «у нас княжеская власть сделалась единственным двигателем народной жизни»**. Но, как уже было отмечено выше, усиленно подчеркивая столь «беспримерный» характер русского исторического процесса, идеалисты-историки в то же время возводили эту «характерическую особенность» русского народа на степень его исключительно национального свойства, видели в ней проявление его «национального гения». Именно в «развитии государства», по их мнению, не только сказалось коренное, «существенное значение» русской истории, но и ее «всемирно-историческое» призвание. «Дух русского народа, — резюмировал Чичерин, — выразился преимущественно в создании государства: отсюда истекают основные начала его общественной жизни»***. Оставалось, следовательно, разъяснить только, в какой мере эти «основные начала» могли получить свое признание в русской истории. Но ответ и в данном случае был уже предпрешен.

Как мы видели, «школа» признала, что русский народ не принимал никакого участия в деле строительства русского государства и что это самое «государство, — говоря словами того же Чичерина, — организовалось сверху, действием правительства, а не самостоятельными усилиями граждан»****. Отсюда понятно, что и «ключом к уразумению всего нашего общественного быта» она должна была считать все ту же историю государственной власти. Созданием этой последней с ее точки зрения должен был являться не только государственный строй, но и общественный порядок, сменявшийся в зависимости от тех или иных «государственных» потребностей. Являясь «исходной точкой общественного движения», верховная власть в России и в дальнейшем, согласно той же

* Там же. С. 134.

** Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. С. 10–11, 285.

*** Там же. С. 139, 232, 358.

**** Там же. С. 381–382; Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 525, 528; Чичерин Б.Н. Областные учреждения в России XVII века. С. 36, 47.

теории, продолжала оставаться единственным «зодчим» русского общества*. Именно правительству, а никому иному обязана Россия тем, что она есть; благодаря его попечению безразличная масса русского народа получила известную организацию, сгруппировалась по разным «чинам» и общественным «состояниям». Долго, по картинному выражению Соловьева, «правительственное начало кружило по неизмеримым пространствам» бродячей Руси**, как Дух Святой над первобытным хаосом, пока не сказало оно, наконец, своего исторического «да будет свет», «да будет русское государство и русский народ»! Так «сверху вниз», вопреки всем правилам архитектуры, строилось здание русского общества из века в век. «Совершенная своеобразность» нашего национального развития и в данном случае, по сравнению с западноевропейскими народами, была поставлена вне всякого сомнения: «то общественное устройство, которое на Западе,— по утверждению Чичерина,— установилось само собой, деятельностью общества, вследствие взаимных отношений разнообразных его элементов, в России получило бытие от государства... подчиняясь мановению сверху»***. Таким образом, в исторической литературе середины XIX ст., в конце концов был прочно утвержден научный принцип, лаконически, но выразительно сформулированный Кавелиным, что «в Европе все делалось снизу, а у нас — сверху»****.

Таковы в основных своих чертах были ближайшие последствия длительного деспотического господства национально-государственной точки зрения в русской исторической науке.

Мы видели вместе с тем, что в общем хоре согласных голосов историков идеалистической школы одно из видных мест принадлежало также и Б. Н. Чичерину, который едва ли не более, чем кто-либо, испытал на себе влияние направляющих идейных течений своего времени. Про Чичерина можно было бы даже сказать, что в кругу своих академических сверстников он был бесспорно самой философской натурой и в этом смысле был особенно глубоко захвачен философскими переживаниями эпохи «трансцендентальной реакции». В самом деле, если увлечение гегельянством, напр., у С. Соловьева, было довольно поверхностным и скоропреходящим, и ему пришлось, в конце концов, со-

* Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. С. 382–3.

** Соловьев С.М. Собрание сочинений. Стб. 789.

*** Чичерин Б.Н. О народном представительстве. С. 525, 528.

**** Кавелин К.Д. Сочинения. Т. I. С. 566 (О книге г. Чичерина).

знаться, что «отвлеченность была не по нем»*, то Б. Н. Чичерин, напротив, как на это указал в свое время К. Бестужев-Рюмин⁷, был страстным поклонником и проповедником философии Гегеля**. И действительно, несмотря на то, что в своих исторических «опытах» Чичерин не раз высказывался против «умозрительных» построений в истории и даже заявлял, что «в настоящую эпоху науки естественные и исторические двигаются другим путем... посредством наблюдений и опытного анализа»***, тем не менее неисправимый гегельянец смотрит на нас с каждой страницы его блестящих трактатов. Несомненно, автор обнаруживал довольно ясную тенденцию к примирению умозрительного и опытного знания**** и неоднократно подчеркивал при этом, что он далек всяких «предвзятых теорий», что его выводы и заключения только «совпадают с выводами умозрения» и т. д.*****, однако мы должны относиться с большой осторожностью к этим его оговоркам. Гегельянская основа миросозерцания Чичерина слишком демонстративно заявляет о себе, чтобы можно было в данном случае ставить вопрос по существу. Чичерин не только принял ту самую схему основных стадий развития человеческих обществ, «какую Гегель начертал в своей философии права»^{6*}, но и в дальнейшем все время продолжал оставаться на почве идеалистической «философии истории», исходя из ее предпосылок, оперируя ее методом. И надо отдать ему справедливость, поскольку гениальная система Гегеля являлась величайшим предвосхищением грядущих завоеваний положительного научного знания, постольку, опираясь на нее, автор «Опытов по истории русского права», в свою очередь, сумел дать в терминах философской концепции немецкого идеализма ряд высокоценных исторических обобщений. В последнем отношении Чичерину особенно помогал его ясный и трезвый ум, совершенно не мирившийся с «мистическим методом» в науке, тем методом, против которого с таким блеском выступил он 1857 г. на страницах «Русского вестника»^{7*8}.

* Записки С. Соловьева // Вест. Европы. 1907. Кн. IV. С. 455.

** Бестужев-Рюмин К.Н. Воспоминания (до 1860 года). СПб., 1900. С. 37.

*** Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. С. 371–374.

**** Он положительно стремился, по его признанию, к «установлению вожделенного согласия различных областей знания и различных путей исследования» (Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. С. 373).

***** Там же. С. 373.

^{6*} Там же. С. 371.

^{7*} Рус. Вест. 1857. Кн. X. С. 757–768.

Однако как ни было значительно тяготение Чичерина в сторону «опытного анализа» исторических явлений, тем не менее он продолжал оставаться во власти очаровавшей его философской доктрины, усвоив одновременно и все руководящие выводы национально-государственной исторической школы. Сочетая идеалистическую и «историко-органическую» точки зрения, Чичерин, таким образом, непосредственно примыкал к тому научному направлению, которое являлось господствующим в его время.

Исходным пунктом его философско-исторических построений являлась идея всемирно-исторического развития. В этом смысле автор говорил о мировом «призвании» или «назначении» народов, которое выражалось в том, что каждый народ исчерпывал свое «историческое содержание», развив «до крайности» какое-нибудь определенное, присущее ему в особенности, «общечеловеческое начало» (начало права, обязанности, личности, государственности и т. п.)*. Но что особенно знаменательно — автор выдвигал при этом мысль о «разумной необходимости исторического хода» событий, рассматривая вместе с тем самый исторический процесс, как эманацию «народного естества» или «народного характера»**.

На той же почве оставался Чичерин также и в том случае, когда ему приходилось определять свое отношение к так называемым «историческим личностям». Высказываясь в том смысле, что «великие люди» всегда являются «сынами своего века» и имеют своим призванием реализацию давно назревших уже в обществе «требований», он видел, однако, в этих избранных личностях носителей великого мирового начала «свободы» как начала абсолютного. Эти «герои» всемирной истории должны были, таким образом, вносить в жизнь «исторических» народов те новые идеи и начала, которые не в силах была создать косная традиция истории. Только этим избранныкам неба дано было разрешать те самые задачи, «которых последняя не в силах была разрешить сама собой»***.

Наконец, и в понимании хода исторического процесса Чичерин также обнаруживал свою несомненную принадлежность к идеалистической школе. Историческое развитие он мыслил как диалек-

* Чичерин Б.Н. О народном представительстве. С. 23, 46, 296; Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. С. 358; Рус. вестн. Кн. XI. С. 180.

** Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. С. 374–375, 358; Рус. вестн. 1857. Кн. X. С. 749.

*** Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. С. 388; Чичерин Б.Н. О народном представительстве. С. 284.

тический процесс согласно абстрактному закону трех состояний по формуле Гегеля. «Известная форма общественной жизни», говорил он, должна непременно «исчерпать» себя «до крайних пределов», чтобы, дойдя таким путем до самоотрицания, вызвать появление нового, совершенно «противоположного» общественного распорядка. «Таков диалектический процесс различных общественных элементов». По мнению Чичерина, указанная борьба «противоречий» и является «главной пружиной движения вперед» в историческом процессе*. Однако он понимает эту смену общественных форм как процесс логический. Указав, напр., что в Древней Руси безраздельно господствовало «начало личности», он затем делает вывод, что необузданное развитие этой личности должно было «необходимо» вызвать появление противоположного начала, начала государственного закрепощения: одна крайность должна была привести к другой**. И он показывает далее, что указанное им начало, действительно, доминировало в Московском государстве. Но подчеркнув столь категорически логическую необходимость смены одного исторического состояния другим, автор совершенно не выясняет ее исторической необходимости. Фигура долженствования заменяет у него специальную работу исследователя: он постулирует от одного комплекса фактов к другому, прикрывая образовавшуюся между ними пропасть такими бессодержательными декларациями, как, напр.: «возникающее государство, чтобы иметь возможность развить свои начала и устроить свой организм, необходимо требовало...», государство «должно было» положить предел «разгулу личности», «потребность общего союза» требовала «образования государства» и т. д.*** Не трудно видеть, что все эти и подобные им утверждения или просто являлись тавтологией, или самой очевидной *petitio principia*⁹. С исторической же точки зрения они не выдерживали критики просто потому, что не вкладывали никакого конкретного содержания во все эти «должно» и «требовалось»****. Впрочем, установление внутренней исторической связи в данном случае вовсе и не предполагалось

* Чичерин Б.Н. *Опыты по истории русского права*. С. 74, 336, 357, 369; Чичерин Б.Н. *Областные учреждения в России в XVII веке*. С. 21, 587; *Рус. вестн.* 1857. Кн. XI. С. 181; Чичерин Б.Н. *О народном представительстве*. С. 285.

** Чичерин Б.Н. *Опыты по истории русского права*. С. 336.

*** Там же. С. 31, 127, 230–231, 336, 380.

**** Подобного рода аргументацию или «припев» столь же часто встречаем мы как у Соловьева, так и у Кавелина.

в теории. Чичерин нередко даже прямо заявлял, что требуемое в тот или иной исторический момент новое движущее «начало» не было и не могло быть выработано самим русским народом, и тем не менее оно являлось, так как «должно» было явиться. В таких случаях обыкновенно и выступали на историческую сцену «провиденциальные» личности, великие двигатели народов, которые и совершали то, что должны были совершить в силу требований высшей, так сказать, надисторической логики. Так именно и смотрел Чичерин, напр., на Петра I: «великий зодчий», по его словам, призван был совершить то, чего «сама собой» не могла создать «древняя Россия», осужденная иначе окаменеть в тупике ее «исключительно национального развития». «Нужен был исход» — явился Петр!* Точно так же в свое время поступил и Кавелин, которому, согласно его схеме, нужно было ввести в русскую историю то самое «начало личности», которого не могла развить из себя «древняя русская жизнь», застывшая в патриархальных формах «родового быта», в корень уже изжившего себя. Необходимо было, таким образом, заимствовать это начало «извне», нужен был исход — явились князья, а с ними и вождеденная «личность». Историческое движение началось... **

Не удивительно, что при таких отпавных точках зрения, сделав русское государство центром своего внимания, Чичерин последовательно из самого понятия этого государства пытался вывести всю русскую историю. В конце концов у него, действительно, оказывалось, что и русская община, и институт холопства, и крепостное право, и организация «сословий», и обособление города от села — словом, все было созданием государственной власти, которая своими «правительственными мерами и распоряжениями» «водворяла» с немалыми усилиями и даже насилием те или иные порядки***. Понятно, что при таких условиях автор должен был отнестись также совершенно отрицательно и к такому проявлению «ничтожества» русской земли, как земские соборы****. Его, можно сказать, положительно подавляла мысль о всеобъемлющей созидательной роли «государства» в русской истории, с одной стороны, и анархическом, беспомощном состоянии текущей, инертной «массы» русского на-

* Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. С. 386.

** Кавелин К.Д. Сочинения. Т. I. С. 45, 57, 65.

*** Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. С. 13, 27, 31, 36, 47, 57, 127, 145, 163, 189, 227, 229, 230.

**** Чичерин Б.Н. О народном представительстве. С. 528, 530, 560–562.

рода — с другой. Но в этом противопоставлении «разумной силы» государства и его «великих зодчих» мертвой материи «народа» * мы, по существу, еще раз встречаемся с одним из основных принципов идеалистической философии истории, которая рассматривала исторический процесс как процесс «разложения (коснеющих) масс мыслию», говоря словами Грановского**.

Позволим себе, наконец, отметить и еще одну характерную черту в научном творчестве Чичерина, которая вытекала из того же источника.

Нельзя оспаривать, что центральной идеей, вокруг которой неустанно вращалась подвижная мысль Чичерина, а вместе с тем и его научным открытием в области русской истории, как это подчеркивал он сам, была идея гражданского общества как переходной стадии от «родового», кровного союзного быта к быту государственному. Идея эта была целиком воспринята им от того же Гегеля, величайшей заслугой которого Чичерин считал именно установленное им принципиальное различие между состоянием «гражданского общества» и «государством». Автор до того при этом был увлечен «гениальной» идеей великого немецкого философа, что положительно возвращался к ней в каждой своей исторической монографии и статье, как в «Опытах», так и в «Областных учреждениях», как в трактате «О народном представительстве», так и в своих полемических статьях по вопросам методологии истории***. Определив понятие «гражданского общества», Чичерин говорит: «В самом деле, к этому понятию сводятся все разнообразные явления, которые мы встречаем в удельной России: родовые отношения, вотчинное начало, общинный быт, княжеские и служебные договоры, сословные стремления, крепостная зависимость; во всем этом проявляется одно начало, которое составляет юридическую основу гражданского общества — частное право»****. Таким образом, автор взял понятие

* Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. С. 366.

** Грановский Т.Н. Сочинения. М., 1900. С. 445. «Массы, как природа или как Скандинавский Тор, бессмысленно жестоки и бессмысленно добродушны. Они коснеют под тяжестью исторических и естественных определений, от которых освобождается мыслию только отдельная личность. В этом разложении масс мыслию заключается процесс истории».

*** Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. С. 70–71, 236–237, 365–367, 374; Чичерин Б.Н. Областные учреждения в России в XVII веке. С. 21; Русск. вестн. 1857. Кн. X. С. 744–747; Кн. XI, стр. 192; Чичерин Б.Н. О народном представительстве. С. 288.

**** Русск. вест. 1857. Кн. X. С. 747.

«гражданского общества» как готовую уже категорию. Он не вывел его из русской истории, а напротив, сделал попытку подвести явления этой истории под наперед уже данную схему. Естественно, что, подгоняя факты к известному шаблону, Чичерин многого не видел вовсе, на многое же смотрел с своей предвзятой точки зрения. Однако, вне всякого сомнения, он с полным правом мог считать своей крупной заслугой блестящую историческую интерпретацию гегелевской схемы на русской почве, благодаря чему ему действительно удалось раз и навсегда решить вопрос о «средней эпохе» в русской истории. Чичерин был совершенно прав поэтому, когда говорил, что «значение союзов кровного и государственного давно уже известно в нашей истории и утверждено в ней на незыблемом основании... Значение же средней между ними эпохи не было, как нам кажется, выставлено в надлежащем свете» *. Эта последняя задача и была им разрешена его «Опытами».

Вот почему, когда приходится говорить о Чичерине как об историке русского права, нельзя не признать, что в его лице мы имеем по преимуществу творца «вотчинной» теории происхождения «удельных» княжеств. С его именем в указанной области должна быть связана именно эта теория, точно так же как «теория родового быта» с именем Соловьева.

Но в данном пункте мы как раз и подходим к вопросу о взаимоотношении Чичерина и Ключевского.

Бесспорно, после Соловьева среди университетских учителей Ключевского Б. Н. Чичерину принадлежит самое почетное место. Мы сказали бы даже, что в умственном складе В. О. Ключевского было что-то «чичеринское». Та ясность и острота мысли, сила логики и мастерство конструкции, законченность формы и точность языка, которые так привлекательны в Чичерине, несомненно, роднят с ним нашего великого историка. Недаром Ключевский так высоко ценил в нем профессора и учителя. Дисциплина ума автора «Опытов», по видимому, передалась и его «ученику», послужив доброй школой для развития исключительных дарований последнего. И действительно, влияние Чичерина на Ключевского было весьма значительно и многообразно. Оно выразилось, прежде всего, в том, что автор «Опытов» воздействовал, так сказать, на самое направление научного интереса главы новой исторической школы. В самом деле, едва ли можно отрицать, что выбор целого ряда тем для специальных работ Ключевского был как бы подсказан ему историческими трудами

* Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. С. 374.

и «опытами» Чичерина. Такая связь могла бы быть установлена, напр., между статьями Ключевского по истории крепостного права и холопства¹⁰ и этюдом Чичерина о «Холопах и крестьянах в России до XVI в.», а также между историческим очерком земских соборов последнего в его книге «О народном представительстве» и статьями того же Ключевского о «Составе представительства на земских соборах в древней Руси», статьями, которые сам автор «посвятил Чичерину»¹¹. Наконец, нельзя не обратить внимания также и на тот факт, что, по-видимому, и «Боярская дума» Ключевского обязана была своим появлением «Областным учреждениям» Чичерина. В своем «Опыте истории правительственного учреждения в связи с историей общества» Ключевский именно хотел противопоставить свой метод изучения «государственной» истории Древней Руси той «технической» точке зрения, которая безраздельно господствовала в национально-государственной историографии того времени и так ярко отразилась в монографии Чичерина. Недаром автор «Боярской думы» начинает свое знаменитое введение к последней прямым указанием на результаты новейшего изучения «наших древних учреждений... преимущественно областных», т. е. очевидным намеком на труд Чичерина*.

Но если в указанном выше смысле влияние Чичерина выразилось, главным образом, в том, что он пробудил в своем ученике научный интерес к известным историческим явлениям, увлекая его в определенном направлении на путь самостоятельных изысканий, то — с другой стороны — это влияние сказалось также и в прямом воздействии творца «вотчинной теории» на автора «Боярской думы». Мы разумеем именно взгляд Ключевского на удельную Русь. Правда, в данном вопросе Ключевский, прежде всего, являлся продолжателем Соловьева, однако общая конструкция удельного порядка, вне всякого сомнения, взята им была у Чичерина. Только опираясь на мастерский анализ «духовных и договорных грамот великих и удельных князей», который дал Чичерин в своих «Опытах», выделив раз навсегда под видом «гражданского общества» целый период в русской истории, Ключевский, в свою очередь, мог подарить нам поистине классическую характеристику древнерусского государства-поместья. При этом Ключевский не только принял теорию Чичерина об определяющем значении «вотчинных», «частно-правовых» отношений в удельной Руси,

* Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси // Рус. мысль. 1880. Кн. I. С. 40 и сл.

но и последовал за ним в целом ряде других вопросов. Автор курса «Русской истории» местами почти буквально повторяет формулировки, выводы и отдельные мысли своего предшественника, хотя нигде и не называет его по имени. В самом деле, когда Ключевский говорит об удельных князьях как первых «заселителях и устроителях» своих земель, он — по существу — лишь повторяет мысль Чичерина, что «князья первые сделались оседлыми» в северо-восточной Руси и первые начали собирать вокруг себя «блуждающие» элементы подвижного удельного общества*. Называя это последнее «случайным сборищем людей» и указывая, что у князя удельной эпохи не было, собственно говоря, «подданных», так как свободное население в княжеской вотчине являлось «не политической единицей... а экономической случайностью», Ключевский и в данном случае только воспроизводит наиболее удачные наблюдения своего учителя**. И далее, говоря о том, что удельный «князь, переставая быть государем, оставался только землевладельцем, простым хозяином», что своим уделом он владеет как «частной собственностью», что «государем» он был только для своих холопов и что, наконец, ему было совершенно чуждо всякое представление о политической территории, которую он не отличал от своей домашней «рухляди» и прочей подвижности, — говоря все это, Ключевский продолжал, так сказать, оставаться в пределах «Опытов по истории русского права»***. В том же смысле можно было бы также отметить и взгляд Ключевского на «договорный» характер общественных связей в период уделов, и его сопоставления «удельных порядков» с феодалскими отношениями на Западе, отличие которых от первых он объяснял, — подобно Чичерину, — все той же «подвижностью» населения данной эпохи****.

Уже приведенных примеров с избытком достаточно, чтобы установить тот факт, какое глубокое влияние оказали труды Б. Н.

* Ср.: Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. С. 175; Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. С. 91; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. М., 1904. С. 431.

** Ср.: Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. С. 343; Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. С. 76. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. С. 440.

*** Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. С. 217, 219, 343; Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. С. 76–78, 81; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. С. 440–441, 443.

**** Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. С. 81; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. С. 445–447.

на автора «Боярской думы». Тесная преемственная связь между русским историком и историком права является, таким образом, совершенно очевидной. И тем не менее мы вынуждены сказать, что связь эта не уничтожает того расстояния, которое отделяло обоих исследователей, казалось, столь сочувственных один другому. Необходимо принять во внимание, что устанавливая известное соотношение между Ключевским и Чичериным, мы тем самым, однако, еще не решаем поставленного на очередь вопроса по существу. Решение его лежит в совершенно иной плоскости. Как бы ни были объективно ценны отдельные исторические наблюдения того и другого автора, мы не должны забывать, что в настоящем случае, когда речь идет о судьбах самой исторической мысли, для нас первенствующее значение имеет как раз противоположный субъективный момент. Один и тот же факт или вывод с этой точки зрения может получить совершенно различный смысл в зависимости от того, как он будет понят. Только в общем контексте законченного исторического построения раскрывает он перед нами свое научное, «историко-философское» содержание. Поэтому, говоря о Чичерине и Ключевском, мы должны также углубить наш анализ и, не смущаясь видимым сродством отдельных заключений того или другого исследователя, выявить то историческое миросозерцание, на котором базировали они свое понимание русского исторического процесса. Что касается Чичерина, то мы уже определили его место в русской исторической науке, видели, в какую схему укладывались у него факты русской истории и каковы были его методологические приемы. Остается, следовательно, посмотреть, как подошел к тем же фактам и готовым «историко-философским формулам» незабвенный автор «Боярской думы».

Несомненно, в центре всего исключительно богатого научного наследства Ключевского стоит его гениальная книга — «Боярская дума древней Руси». В этой книге, можно сказать, вылился весь Ключевский! В ней дал он одновременно и непревзойденный до сих пор образец исторического исследования по «истории государственных учреждений», и наиболее яркое исповедание своего научного *credo*, и, наконец, блестящую критику старой школы историков. В частности, как уже было указано выше, Ключевский имел в виду также противопоставить свою историю «боярской думы» истории «областных учреждений» Чичерина, демонстрировав таким образом коренное различие двух исторических школ, двух исторических методов. В этом смысле про «Боярскую думу» Ключевского можно сказать, что она явилась как бы манифестом

новой исторической школы. И действительно, когда в январской книжке «Русской мысли» за 1880 год появились первые главы «Боярской думы», уже одно заглавие «введения» к этому «опыту истории правительственного учреждения» должно было поразить ученый мир своей вызывающей дерзостью: «В предлагаемом опыте, — читаем мы там, — боярская дума рассматривается в связи с классами и интересами, господствовавшими в древнерусском обществе»*. В этих строках автор, на самом деле, смело бросил перчатку историкам национально-государственной школы, резко подчеркнув принципиальную основу своего разногласия с ними. Действительно, автор поставил себе целью написать, так сказать, классовую историю русского общества, связав с его интересами историю одного из старейших «правительственных учреждений». Но ведь с точки зрения господствовавшей тогда традиционной академической теории это значило — писать историю того, чего не было. Казалось, при таких ауспичиях попытка смелого новатора должна была окончиться полной неудачей и здание, воздвигнутое им «на песце», должно было рухнуть. Однако случилось как раз наоборот. Именно «Боярской думе» суждено было сделаться той новой школой, откуда вышла современная нам историческая наука. Новые поколения историков пошли, действительно, за Ключевским, и этим фактом дальнейшая судьба национально-государственной историографии была предreshена...

Автор «Боярской думы», конечно, отлично понимал, «на что он руку поднимал», и потому не замедлил объясниться со своими предшественниками и «учителями». «В истории наших древних учреждений, — писал он в том же введении, — остаются в тени *общественные классы и интересы, которые за ними скрывались и через них действовали*. Рассмотрев внимательно лицевую сторону старого государственного здания и окинув *беглым* взглядом его внутреннее расположение, мы (автор говорит о своих предшественниках) не изучили достаточно ни его оснований, ни его *строительного материала, ни скрытых внутренних связей*, которыми скреплены были его части, а когда мы изучим все это, — заключает автор, — тогда, может быть, и процесс *образования нашего государственного порядка* и значение его правительственных учреждений предстанут перед нами несколько в ином виде, чем как представляются теперь»** (курсив наш).

* Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. С. 40.

** Там же. С. 48.

Этими сдержанными словами Ключевский, по существу, опровергал все здание идеалистической историографии. Предшественники его, как мы видели, изучали русский исторический процесс «сверху», с лицевой стороны, он, наоборот, начал изучать его «снизу», изнутри; их интересовала только «техника правительственного механизма», за которым они ничего не видели, он же сразу выдвинул вопрос о тех живых исторических силах, которые приводят этот механизм в движение, и о тех материалах, из которых он сделан. «Что забываем мы, — спрашивал он, — при изучении механизма правительственных учреждений? — А забываем то, что они — не механизм только, что изучение их не следует ограничивать вопросами правительственной механики... Перед нами остается еще социальный материал, из которого они были построены», а «в истории политических учреждений, — заключает автор, — строительный материал часто важнее самого строя»*. Этими словами, можно сказать, автор наносил роковой удар старой исторической школе и прежде всего Чичерину как наиболее сильному ее представителю. Он особенно подчеркивал при этом бессодержательность исторических схем историков-государственников и опять-таки, не называя имен, направлял самые острые свои стрелы по адресу автора «Опытов» и «Областных учреждений». «Когда нам (!) приходится отвечать на вопрос, как образовалось московское государство, — писал автор “Боярской думы” — мы чаще всего даем такой ответ: путем возведения частного права в государственное**, или, говоря проще, путем превращения удельной вотчины московских князей во всероссийское государство. Легко видеть, что это — формула, метко схваченная на глазок, изображающая ход явлений более диалектически, чем исторически; ее *надобно еще раскрыть и доказать сложным анализом многих исторических явлений, чтобы сделать понятным скрытый в ней исторический процесс...* В указанной диалектической схеме собственно выражается смена начал, развитие идеи государства, точнее — *идеи государственной власти*, а не самого государственного порядка»*** (курс. наш). Таким образом задача была поставлена ясно и определенно — требовалось подвести историческое основание под те фасады, которые так старательно выводили представители старой исторической

* Там же. С. 53–54.

** Формула Чичерина.

*** Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси // Рус. мысль. 1880. Кн. I. С. 43–44, 52.

школы, а вместе с тем надо было вложить историческое содержание в те диалектические формулы, которыми оперировали историки-идеалисты*. Понимая так глубоко и широко задачу исторического исследования, Ключевский, в полном смысле слова, должен был заново переработать весь огромный запас исторического материала. И действительно, в научной лаборатории Ключевского впервые абстрактные схемы историков старой школы стали облекаться в плоть и кровь исторической жизни. Мистическая пустота «мирового» или «народного духа» и всякого рода «начал», в которой так долго вращалась научная мысль, теперь должна была обнаружить всю свою несостоятельность и уступить свое место представлению о живом процессе истории. Эта история превратилась теперь в скромное дело рук человеческих, развернулось как сложный процесс борьбы тех самых общественных сил и интересов, которые, по удачному выражению Ключевского, «скрываются» под формами преходящих государственных учреждений. «Политический порядок, — говорил автор «Курса», — в своем окончательном виде всегда отражает в себе совокупность и общий характер частных людских интересов и отношений, которые он поддерживает и на которых опирается»**. Такую постановку вопроса мы, действительно, вправе квалифицировать как переворот в исторической науке. Правда, историки идеалистической школы также любили говорить о «тесной связи между государством и народом» и даже называли эту связь «органической», тем не менее понятия «государства» и «народа» у них являлись чисто логическими категориями, лишенными всякого исторического содержания. Поэтому в мистическом, абстрактном представлении о «народе» как некоторой идеальной «сущности» у них исчезало, растворялось конкретное представление о нем как о сложном комплексе реальных общественных отношений. Ключевский, напротив, перенес все свое внимание в сферу этих жизненных отношений, потребовала чтобы были раскрыты таинственные скобки диалектических формул и чтобы историки приступили, наконец, к решению того уравнения со многими «неизвестными», которое носило громкое имя «философии русской истории». Стоит только сопоставить «Боярскую думу», это «многопредметное сочинение», по ироническому замечанию В. Сергеевича, с «Областными учреждениями», чтобы понять, какая, действительно, огромная пропасть

* Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси // Рус. мысль. 1880. Кн. III. С. 47, 50–52.

** Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. С. 428.

лежит между этими двумя зрелыми плодами исторической мысли, выросшими на совершенно различной идейной почве. «Боярская дума» — это почти целый курс древней русской истории, на фоне которой автор изображает эволюцию политической и «социальной истории думы»^{*}; «Областные учреждения» — это техническая схема «правительственной механики» Московского государства, построенная по диалектическому шаблону вне непосредственной «связи» с исторической действительностью, хотя и при помощи «исторических» фактов. Перед нами, в данном случае, действительно, два глубоко различных исторических мирозерцания, противоположность которых объяснялась принципиальным различием идейных влияний, воздействовавших в свое время на того и другого исследователя.

В самом деле, если про идеалистическую школу историков можно сказать, что она явилась на смену просветительной историографии, противопоставив предпосылкам французского рационализма немецкую романтическую философию, то про социологическую школу Ключевского с таким же правом можно было бы утверждать, что она, в свою очередь, пришла на смену национально-государственной историографии, поставив на место философского идеализма чисто реалистическое миропонимание. Последнее заключение станет для нас совершенно понятным, если мы вспомним, что исторические взгляды Ключевского, его духовный облик складывались как раз в ту эпоху, когда и на Западе, и у нас, около середины XIX ст., начался пышный расцвет положительного знания, в особенности естествознания с его позитивными методами исследования. Это было время блестящего дебюта и необыкновенно быстрого развития общественных наук, эпоха, когда под влиянием величайших внутренних потрясений в жизни Европы всеобщее внимание было привлечено к вопросам социальным. Выступление широких масс народа на историческую сцену, борьба партий и классов, рост общественной культуры — все это, конечно, не могло остаться незамеченным со стороны ученых историков, внимание которых также должно было переместиться с периферии исторического процесса в его жизненные глубины. Не забудем, что одновременно и в России, в пору так называемых шестидесятых годов, также совершались не менее великие события. То была «эпоха великих реформ», первая весна русской жизни, когда идея национального воскресения народа

^{*} Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси // Рус. мысль. 1880. Кн. III. С. 5, 7.

овладела всеми умами и сердцами. В обществе началось небывалое оживление, и вместе с тем начался пересмотр старых верований, научных догматов и общественных идеалов. Открылась новая эра «помрачения кумиров», старые жертвенники были опрокинуты, явились новые пророки. Под шум публицистических витий «обличительной» литературы в русском обществе в это время появился и скоро сделался господином положения «мыслящий реалист», проповедовавший естественные науки, как новую религию. Старые боги при таких условиях были окончательно низложены: на место непререкаемого авторитета Шеллинга, Гегеля, Кузена, Гердера¹², Савиньи и др. теперь водворились новые не менее деспотические «властители дум» — Конт, Милль, Спенсер¹³, Маркс и пр. Создалась совершенно особая идейная атмосфера, которой все дышали и которая оказывала могущественное давление на общественное сознание и научную мысль.

В этой-то богатой глубокими переживаниями атмосфере и выковал В. О. Ключевский свое собственное историческое мирозерцание, чуждое каких-либо предвзятых точек зрения и оригинальное, как все, на чем лежала печать его глубокой мысли. Но само собою разумеется, что общий дух его многогранного мирозерцания был проникнут теми самыми руководящими принципами, на которых покоился весь умственный склад современной ему эпохи.

Прежде всего, Ключевский был и всю жизнь оставался реалистом. Он решительно отверг «умозрительное» направление в истории, являясь непримиримым противником всякого исторического мистицизма, в какие бы формы он ни облакался, в формы ли, как выражался он, «созерцательного, богословского видения»* или же «философских» метаисторических откровений. «История народа», говорил он, должна являться «изображением действительного его состояния в известное время с указанием исторического происхождения этого состояния, а не диалектической импровизацией на ту или другую бытовую тему без времени и места с одними общими местами вместо фактов»**. Таким образом, Ключевский относил историю к «области опытного или наблюдательного знания», а потому и от историка, прежде всего и после всего, требовал систематической работы над сырым историческим материалом, требовал раскопок. При этом самые способы, методы историческо-

* Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. I. С. 9.

** Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси // Рус. мысль. 1880. Кн. IV. С. 2.

го изучения он склонен был заимствовать из наук естественных, не видя принципиального различия между явлениями социальной жизни и жизни природы. «Человеческое общежитие, — по мнению автора “Курса русской истории”, — такой же факт мирового бытия, как жизнь окружающей природы... Исторические тела... рождаются, живут и умирают подобно органическим телам природы» *. И Ключевский любил возвращаться к этим аналогиям, проводя параллели между процессом историческим и биологическим, говоря об «анатомии» и «физиологии» общественной жизни, «возрастах» людского общежития, органическом и социальном разделении труда и т. п. ** Отсюда понятно, что и для исторической науки он ставил те же самые цели, как и для всякого вообще научного знания. В противоположность современной «риккертской» школе¹⁴ он относил историю к разряду наук номотетических, генерализирующих, полагая, что она имеет своей основной задачей «изучение свойств и действия сил, созидających и направляющих людское общежитие» ***. Таким образом, раскрытие законов развития человеческих обществ, «стихийной закономерности народной жизни» — вот, по Ключевскому, в чем заключается «общая задача исторического изучения» ****.

Но относя историю к группе наук номотетических, Ключевский, разумеется, не отвергал научной важности изучения индивидуальных особенностей того или иного «местного» исторического процесса, так как отлично понимал, что история никогда буквально не повторяется и, подчиняясь известным законам, не знает вовсе шаблонов. По мысли Ключевского, подобного рода изучение исторических «своеобразий» в прошлом отдельных народов не только не противоречит основной задаче исторической науки, но — напротив — положительно содействует более углубленному ее разрешению. «Изучение местной истории, — говорит он, — дает готовый и наиболее обильный материал для исторической социологии», посредством него «мы познаем не только природу людского общежития, но и законы его движения». Ключевский думает даже, что раскрытие «законов строения человеческих обществ» еще более

* Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. С. 2.

** Там же. С. 6; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. III. М., 1908. С. 7–8; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. IV. М., 1910. С. 60.

*** Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. С. 3.

**** Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. С. 5, 8, 7, 23; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. III. С. 16, 164.

облегчится, если мы предварительно «сосредоточим внимание на частичных местных строениях, представляемых жизнью того или другого народа»*. В частности, русскую историю он считает особенно «удобной для отдельного социологического изучения» ввиду ее «сравнительной простоты и некоторых характерных «особенностей», которые, однако, вовсе не уничтожают того общего положения, что и в истории русского народа мы «наблюдаем действие тех же исторических сил и элементов общежития, что и в других европейских обществах»**. Таким образом «из общей задачи исторического изучения» Ключевский выводил, говоря его собственными словами, и «научную цель изучения местной истории»***.

Отсюда понятно, какого метода будет держаться автор «Боярской думы» в «своих исторических изысканиях. Это будет метод, которому он сам дал имя метода историко-социологического.

И Ключевский, действительно, выступает перед нами в роли историка-социолога. Героем его истории была не абстрактная «личность» и не индивид, а общество, те самые «массы», с которыми историки старой школы не желали входить в непосредственное соприкосновение. «История, — говорил он, — имеет дело не с человеком, а с людьми, ведает людские отношения, предоставляя одиночную деятельность человека другим наукам****. Поэтому автора интересовали не исторические события, а стихийные процессы истории, социальная эволюция в собственном смысле, история культуры, а не «политическая» история. С той же точки зрения он решал и проблему «об исторической дееспособности идей». Его занимали исключительно общественные идеи, которые одни только, по его убеждению, и могут являться предметом научного исследования историка. Это те «конкретные» идеи-силы, которые, по его словам, произвольно «отлагаются от общественных отношений» и в свою очередь «перерабатываются в общественные отношения»*****. «История, — говорил при этом Ключевский, — не наблюдает деятельности отвлеченного человеческого духа: это область метафизики», ей доступны и подведомы только те идеи,

* Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. С. 7–8, 9, 17–18.

** Там же. С. 18–19.

*** Там же. С. 38.

**** Там же. С. 30. «Человек сам по себе не есть предмет исторического изучения», — говорит он в другом месте. (Там же. С. 9, 202).

***** Там же. С. 30; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. II. М., 1906. С. 147–148, 445–446; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. III. С. 15, 148, 338; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. IV. С. 272–273, 294.

которые «становятся историческими факторами, подобно тому, как делаются ими силы природы» *. «Вы поймете, — говорил с кафедры своим слушателям великий историк, — когда личная идея становится общественной, т. е. историческим фактом: это — когда она выходит из пределов личного существования и делается общим достоянием, и не только общим, но и обязательными. Идеи, блеснувшие и погасшие в отдельных умах, в частном личном существовании, столь же мало обогащают запас общежития, как мало обогащают инвентарь народного хозяйства замысловатые маленькие мельницы, которые строят дети на дождевых потоках» **. Таким образом, и в данном случае Ключевский оставался все на той же социологической почве, оставался все тем же историком-общественником.

Но подчеркивая с таким ударением чисто теоретическую задачу исторического изучения, великий ученый наряду с этим не забывал и важной практической, т. е. общественной ценности исторического знания. Ясновидящий прозорливец, читающий в веках, Ключевский и на историю смотрел как на пророчицу в будущем. Наука, по его представлению, — должна стремиться — «знать» и «видеть», чтобы предвидеть и целесообразно и планомерно творить. Поэтому Ключевский высказывал надежду, что настанет и для исторической науки такой момент, когда «из науки о том, как строится человеческое общежитие, может со временем — и это будет торжеством исторической науки — выработаться и прикладная часть ее — наука о том, как наилучше строить его, — это общежитие» ***. Знание — по его мнению — призвано служить жизненным потребностям и нуждам человека, иначе оно «становится простым балластом памяти, пригодным для ослабления житейской качки разве только пустому кораблю, который идет без настоящего ценного груза» ... ****

Нетрудно видеть, как неизмеримо далеко уводит нас это новое понимание задач и метода исторической науки от преданий и традиции идеалистической историографии, которая, как бы скользя по поверхности исторических событий, стремилась создать для каждого народа свою собственную «философию истории», открыть только ему одному присущие таинственные «начала» его жизни

* Там же. С. 9. 30.

** Там же. С. 30–32.

*** Там же. С. 17.

**** Там же. С. 38.

и отрицала всякую возможность прикладывать «европейский» или какой-нибудь иной «аршин» к такому «беспримерному» явлению во всемирной истории, как «русское государство»*.

Понятно, каковы должны были получиться, при подобной постановке задачи исторического изучения, непосредственные результаты глубокомысленных разысканий гениального историка. На первый план сами собой должны были выдвинуться те факты и отношения, которые почти совершенно игнорировались предшественниками Ключевского, но которым он придавал особенное значение, — отношения социально-экономического порядка, культура материальная.

Но усиленное внимание Ключевского именно к этой стороне исторического процесса вовсе не было простым результатом его стремления пополнить наиболее вопиющий пробел в русской исторической литературе. Автор придавал такой постановке исторической проблемы первостепенное методологическое значение**, не говоря уже о том, что он вообще склонен был приписывать особую силу хозяйственному моменту в общественных отношениях. В данном пункте, можно сказать, наиболее ярко отразилось основное различие двух интересующих нас исторических школ. Отвергнув традиционный «взгляд сверху» на судьбы русского государства и общества, Ключевский, действительно, в корне преобразил общепринятые представления о русском историческом процессе, дав новые ответы на старые вопросы***.

В последнем случае сопоставление Чичерина и Ключевского должно быть особенно поучительно, и мы позволим себе поэтому сделать два-три таких наиболее показательных сближения.

Выше уже было отмечено, что «единственным двигателем народной жизни» в русской истории Чичерин считал «княжескую власть». Означенная точка зрения автора «Опытов» должна была, прежде всего, отразиться на его понимании древнейшего периода русской исторической жизни. Согласно теории Чичерина, первые князья принесли с собой на Русь совершенно «новые стихии» государственного и общественного быта. «Расширяясь и развиваясь», эти стихии, по его словам, «обняли наконец все общественные отно-

* Кавелин К.Д. Сочинения. Т. I. С. 203, 233; Соловьев С.М. Собрание сочинений. Стб. 872, 972 и др.

** Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. С. 33.

*** Ср., напр., взгляд Ключевского на реформу Петра (Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. III. С. 271–273).

шения народа», вытеснив окончательно прежние «родовые союзы» с их неподвижным патриархальным укладом жизни*. Продолжая далее развивать свою мысль, Чичерин последовательно вывел весь политический и социальный строй древней Руси из «особенного характера» — «начала владельческого, а впоследствии государственного** — все той же княжеской власти. Князья-завоеватели, по его мнению, тем легче могли распоряжаться судьбами русского народа, что этот последний не мог противопоставить их «разумной» организующей силе ничего самостоятельного, прочного, устойчивого***. При таких условиях, говорит Чичерин, князья и «водворяли» необходимый порядок на Руси, создав систему древних княжеств так называемого Киевского и последующего периодов.

Как же отнесся Ключевский к этой теории своего «учителя»? Он подверг ее самой тщательной критике, посвятив всю III главу своей «Боярской думы»**** разъяснению вопроса о происхождении древнерусских «городовых областей» или «волостных городов». Углубившись в доисторические времена и дав подробный анализ процесса заселения территории Днепровского бассейна, Ключевский в результате своих детальных и кропотливых разысканий в конце концов разрушил, можно сказать, до основания завоевательную теорию Чичерина. Он показал, как в условиях колонизации и хозяйственного быта (торгового обмена) Древней Руси в ней совершенно самобытно сложились автономные политические союзы городов — земли-волости, интересам которых и были призваны служить первые князья. Эти «крупные городовые миры, — говорит Ключевский, — обозначившиеся при первых князьях и образовавшиеся независимо от них, легли потом в основание княжеского деления русской земли»*****. Их взаимными отношениями в конечном счете и объясняется вся история Киевского периода. Таким образом, автор приходит к тому выводу, что не князья «были первыми творцами политического порядка, обозначившегося в памятниках X и двух следующих веков», а та «политическая сила», которая в лице городской «правительственной старшины» сложилась в самых недрах древнерусского общества и руководила им задолго до появления

* Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. С. 7.

** Там же. С. 8.

*** Там же. С. 230, 366, 383–384.

**** Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси // Рус. мысль. 1880. Кн. III. С. 45–51.

***** Там же. С. 57, 60.

князей. В этом смысле Ключевский говорит, что «история старых волостных городов на Руси старше княжеской» *. Князья, по его словам, не внесли вообще ничего нового в земский волостной строй того времени, они только «продолжали дело, начатое до них волостным городом» **. С этой точки зрения совершенно новый смысл должны были получить в глазах историка и пресловутые «междоусобия» древнерусских князей. За династическими братоубийственными «счетами и спорами» последних, по мысли Ключевского, в действительности скрывалась все та же исконная «борьба городов за волости, начавшаяся (также) до князей» ***. И как бы для того, чтобы еще сильнее подчеркнуть резкий контраст своей теории с теорией Чичерина, Ключевский неоднократно повторяет свой основной вывод, говоря, что первые «князья» только «довершили дело, начатое при господстве власти, им предшествовавшей, волостных городов» ****. При этом он добавляет, что в изучаемом периоде вовсе не князь был хозяином русской земли, а, наоборот, «волостной город преобладал над князем» *****, который, «явившись в Русскую землю, вошел в готовый уже общественный строй, до него сложившийся». Таким образом, автор «Боярской думы» установил совершенно противоположный чичеринскому взгляд на происхождение социально-политического уклада Древней Руси и на ту роль, какую призван был сыграть в истории этой Руси «наемный страж» ее внешней безопасности.

Совершенно к тем же результатам пришел Ключевский и при дальнейшем изучении следующего исторического периода, которому особенное внимание посвятил именно Б. Н. Чичерин.

Как уже было отмечено выше, оба автора довольно близко сошлись во взгляде на так называемый «удельный порядок», господствовавший в северо-восточной Руси, признав его «вотчинную» основу. Однако близость эта в значительной мере является кажущейся, и дело резко меняется, едва только вопрос переносится на почву исторического понимания этого порядка и выяснения причин его образования. Как всегда, так и в данном случае, Чичерин стоит в своих «Опытах» целиком на «политической» точке зрения, фиксируя все свое внимание специально на князьях. Он строит свою теорию «гражданского общества», опираясь единственно

* Там же. С. 61.

** Там же. С. 66.

*** Там же. С. 68.

**** Там же. С. 69–70, 73.

***** Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. С. 429.

на разбор нескольких «духовных и договорных грамот» удельных князей и, имея на все вопросы готовый уже ответ, он в конце концов и самое происхождение «вотчинного» режима удельной эпохи объясняет не чем иным, как все тем же «завоеванием»*. Совершенно иначе к той же задаче подходит Ключевский. Он и на этот раз пишет целую главу в своей «Боярской думе» о «происхождении удельного порядка», посвящая ее рассмотрению вопроса «о влиянии колонизации на складе общества верхневолжской Руси»**. И так же, как и в первом случае, автор приходит в результате своего блестящего анализа исторических фактов к аналогичному заключению, что «причины, создавшие удельный порядок, лежали вне круга князей» и что порядок этот «сам был одним из политических следствий русской колонизации верхнего Поволжья»***. Таким образом, «причиной» образования удельного строя Ключевский считает те «географические и экономические» условия, «под действием которых» складывалось самое удельное общество****. Эти условия, говорит он, привели к тому, что «господствующей экономической силой страны» и ее «господствующим интересом» в то время сделалось «земледельческое и землевладельческое хозяйство»*****. И автор в дальнейшем показывает, каким образом все эти обстоятельства должны были отразиться и на «политическом характере удельного князя», и на всем «удельном управлении», являвшемся «довольно точной копией устройства древнерусской боярской вотчины» и, наконец, на «Боярской думе», этом «совете главных дворцовых приказчиков» при князе^{6*}. Перед читателем при этом разворачивается, можно сказать, целая панорама древнерусской жизни, исполненная с таким художественным талантом и чутьем исторической перспективы, что бледные схемы Чичерина положительно исчезают за ней без остатка.

Не менее разительный пример в том же смысле представляет и следующий случай. Как известно, Ключевский и Чичерин еще раз, так сказать, померились своими силами на другом труднейшем вопросе русской истории. Мы разумеем вопрос о происхождении

* Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. С. 64, 75.

** Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. С. 1, 83 и сл.

*** Там же. С. 83; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. С. 483.

**** Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. С. 83–86, 93.

***** Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. С. 93–94, 97; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. С. 451–452 и др.

^{6*} Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. С. 76–78, 100, 111, 119 и сл.

крепостного права. Чичерин и здесь остался до конца верен заветам национально-государственной школы. Он не мог себе иначе объяснить происхождение этого института, как «мановением сверху», и потому решительно высказался в пользу теории «государственного» прикрепления крестьян. «Крепостное право, — говорил он, — вышло из потребности государства устроиться и укрепиться». И с этой точки зрения самый процесс закрепощения крестьянского населения интересовал автора главным образом в той мере, насколько «из всего этого было видно, что княжеская власть растет и развивается» *. И радуясь успехам государственного роста русского народа, Чичерин, естественно, не видел «ничего исключительного и несправедливого» в такой форме «государственного тягла», какою являлась, по его взгляду, крепостная зависимость крестьян**. Понятно, что в конце концов автор «Опытов» должен был и в данном вопросе встать на типическую для старой исторической школы так называемую «указную» точку зрения, предположив, что «в 1592 или 93 г.» должно было «последовать» законодательное укрепление крестьян, хотя «самый указ до нас и не дошел» ***.

Совершенно противоположное решение той же задачи, конечно, должен был дать Ключевский. Вместо бесплодных поисков не существовавших указов, которые с точки зрения историков-государственников «должны» были, однако, существовать, Ключевский обратился и на этот раз к детальному изучению реального соотношения общественных элементов, т. е. к изучению взаимных отношений ближайших, наиболее заинтересованных в настоящем случае, сторон. А такими сторонами, как известно, являлись, с одной стороны, землевладелец, с другой — земледелец, рядившийся «во крестьяни» на землю первого. В результате тщательного анализа актового материала Ключевский и пришел к тому заключительному выводу, что крепостное право вовсе не было «введено» государственной властью, а сложилось «само собой», постепенно, в практике арендного договора, осложненного долговым обязательством. «Итак, — говорит автор, — законодательство не устанавливало крепостного права на крестьян ни прямо, ни косвенно» ****.

* Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. С. 92, 189, 227, 229, 230.

** Там же. С. 227.

*** Там же. С. 223 и 226. Ср.: Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т. I. СПб., 1890. С. 246, 248, 258 и сл.

**** Ключевский В.О. Происхождение крепостного права // Рус. мысль. 1885. Кн. X. С. 19, 25.

Государство вообще довольно поздно, по мнению Ключевского, обратило внимание на этот институт и начало так или иначе считаться с его последствиями. «Крепостное право в России, — заключает он свои знаменитые статьи, — было создано не государством, а только с участием государства: последнему принадлежат не основания права, а его границы»*. Согласимся, что этими выводами беспощадно опрокидывались все построения талантливой автора «Опытов».

Из приведенных примеров нетрудно уразуметь, каково было действительное отношение Ключевского к его учителям и предшественникам. Даже и в тех случаях, когда великий историк шел по их следам, он, по существу, как мы только что могли в том убедиться, прокладывал совершенно новые пути. Продолжая труды своих учителей, Ключевский, таким образом, в корне разрушал те основания, на которых они строили свои «воздушные замки», и в то же время, подводя новый фундамент под старые схемы, он создавал твердую почву для возведения прочного здания научной теории русского исторического процесса. Но Ключевского нельзя обвинить в неблагодарности к своим учителям. Он с редким вниманием отнесся к их выдающимся и в свое время также «bahnbrechenden»¹⁵ трудам, сохранил все, что было в них положительно ценного, и сторицею, можно сказать, умножил данный ему «талант». Но он дерзнул вместе с тем на нечто неизмеримо большее, чем скромная роль хотя бы и блестящего «ученика». Он сам выступил в качестве учителя новых поколений историков! Послушный своему великому призванию, прокладывая новые пути, Ключевский, однако, сохранил глубочайшее чувство признательности к тем из своих учителей, кто впервые зажег в нем «священный пламень вдохновенья». И не его, и не их вина была в том, что они являлись людьми двух поколений, разделенных великой гранью двух исторических эпох.

Вот почему только поняв с этой точки зрения высокое призвание незабвенного творца «Боярской думы» и возможно дать надлежащий ответ на вопрос, насколько в самом деле был он близок или далек своим учителям.

* Ключевский В.О. Происхождение крепостного права // Рус. мысль. 1885. Кн. I. С. 46.